

зеленѣя и закрывая собою часть города, спускается съ горы примыкающій къ слободѣ Лазаретный садъ, изъ котораго вечерами несутся звуки музыки.

Почти при каждомъ домѣ есть плодовый садъ, гдѣ рождаются ягоды всѣхъ сортовъ, яблоки, груши, сливы; нѣкоторые домохозяева отъ садовъ получаютъ хорошій доходъ. Когда поспѣваютъ ягоды и плоды, ихъ собираютъ съ веселыми, звонкими пѣснями. Ксюду звучать эти пѣсни, по всей слободѣ несутся онѣ и съ немолчнымъ щебетаніемъ птицъ, съ ликующею природою льютъ въ сердце какое-то непонятное радостное чувство.

Однимъ плохо въ Казацкой лѣтомъ: негдѣ освѣжиться купаньемъ. Рѣчонка Куръ въ лѣтнее время почти пересыхаетъ и мѣстами, гдѣ поглубже, дно ея сплошь покрыто тиной. Вообще слобода бѣдна водою. Нѣсколько существующихъ здѣсь колодезей ранней весной и осенью, вслѣдствіе разлива Кура, заливаются грязной водою. Жители пользуются водою для чая изъ городскихъ бассейновъ, но для варки пищи обыкновенно берутъ воду изъ колодезей.

Если въ зимнюю стужу слободскія невѣсты выходятъ каждый вечеръ на улицу на свиданіе съ избранниками своего сердца, то въ лѣтнее время влюбленные пары до полуночи засиживаются у воротъ. И тутъ, также какъ и зимою, поютъ пѣсни и играютъ на гармоникахъ. Близость города хотя и отразилась на характерѣ слободскихъ пѣсней, изъ которыхъ многія передѣланы изъ „жестокихъ романсовъ“, но сохранились еще нѣкоторые пѣсни, повидимому, стариннаго склада, изъ которыхъ мною записаны слѣдующія:

I.

На зарѣ было, на зорюшкѣ,
На зарѣ было на утренней,
Дѣвчоночка коровушку доила;
Подойвши, сквозь платочекъ пѣдила,
Процѣдивши, душу—Ваню поила;
Напоивши, уговаривала:
„Не женися, душа Ваничка;
Какъ женишься—перемѣнишься,
Пропадетъ твоя головушка
Между вдовушекъ, молодушекъ,
Какъ молодушекъ и бабъ молодыхъ.
И сказала, что я замужъ не пойду,
И сказала, что въ монашечка.“

II.

Возлѣ рѣчки, возлѣ моста
Травка зеленѣетъ;
За хорошиимъ жена мужемъ
Живетъ—молодѣетъ,